

НА ПУТИ К ВОЙНЕ

Если во время войны операции планируются неделями, в лучшем случае несколькими месяцами, то план первой операции готовится годами. Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на

производство вооружений для морского флота и авиации.

Разработка плана войны с СССР началась в августе—сентябре 1940 г. В декабре того же года он оформился в Директиву № 21, известную как план «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». После уничтожения главных сил Красной армии предполагалось оккупировать территорию СССР по линии Архангельск—Астрахань. Мобилизационные способности СССР, т.е. возможности создания новых соединений, расценивались как не позволяющие восстановить армию после такого разгрома. Выделенные для «Барбароссы» немецкие войска были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». Также к операции привлекались войска союзников Германии: Румынии, Венгрии и Финляндии.

Руководство СССР правильно оценивало Германию как основного потенциального противника. Как, впрочем, и многие советские люди. Однако успешная антифашистская пропагандистская кампания, которая после прихода Гитлера к власти и его расправы над немецкими коммунистами рисовала гитлеризм в качестве наиболее вероятного врага советского народа на западе, в 1939 г. была свернута. Закрепленный в массовом сознании стереотип фа-

шизма как врага номер один после заключенного в 1939 г. пакта Молотова—Риббентропа стал размышляться. Отношение к Гитлеру не стало лучше, но вера в непогрешимость действий советского руководства способствовала восприятию большинством советских людей договора как гарантии неприкосновенности границ. В ходу были такие фразы: «Войны не может быть, ведь с немцами же заключили договор о ненападении». «Мы же торгуем с Германией и доставляем ей хлеб, нефть, уголь. Какая может быть война?» «Молотов недаром ездил к Гитлеру. Они договорились о мире». Очень боялись спровоцировать немцев на развязывание войны. Вспоминает ветеран ВОВ В.Ф. Бухенко: «... после заключения «пакта о ненападении» с Германией делалось все возможное для его соблюдения и чтобы не допустить ни малейшего повода для провокации. У меня, например, был такой случай. В техникуме мне дали путевку в летний лагерь отдыха. Там организовывались всевозможные концерты самодеятельности. Я знал одно стихотворение о революционной борьбе немецкого народа и решил с ним выступить в одном из таких концертов. Так меня предварительно прослушали на предмет того, чтобы проверить, нет ли чего в этом стихотворении обидного или провокационного для немцев. Представьте, даже в студенческих лагерях думали о таких вопросах, чтобы не дать Германии лишнего повода для начала войны!»

Усугубляло ситуацию восприятие немцев в виде неоднородной группы, в которой часть населения — пролетариат и крестьянство — сочув-

ственно относится к советским людям. Венер писал: «Всякий, имевший глаза, чтобы видеть, мог заметить в период расцвета немецко-русского пакта признаки не только внутреннего родства тоталитарных методов, но и фундаментального безумия многих русских коммунистических пропагандистов. Русская функционерка Самойлович, имевшая возможность посетить польские области (окупированные Красной Армией. — В. Р.), рассказывала мне, что немецкие солдаты с завистью смотрели на звезды советских солдат и что красноармейцы целого полка (?) доложили на поверке, что они отдали свои пуговицы и звезды на память немецким солдатам, которые их об этом просили. Из таких эпизодов, истинность которых невозможно было проверить, делался вывод, что немецко-советская «дружба» должна привести к смягчению положения внутри Германии и что прорусские симпатии среди немецкого населения смогут стать препятствием на пути возможных восточных планов Гитлера». Ветеран Великой Отечественной войны Майданик Лев Исакович вспоминал: «Как-то утром сидели мы на лесной полянке во время политзанятий. Разговор шел о заключенном с Германией договоре о ненападении. Начались вопросы. Задал вопрос и я:

— Товарищ старший политрук, почему непрерывно идут в Германию эшелоны с нашим зерном, лесом, рудой и многим другим?

Старший политрук посмотрел на меня, почему-то улыбнулся и, как мне показалось, совсем нехотая спросил:

— Тебе сколько лет?

— Скоро двадцать исполнится, товарищ старший политрук

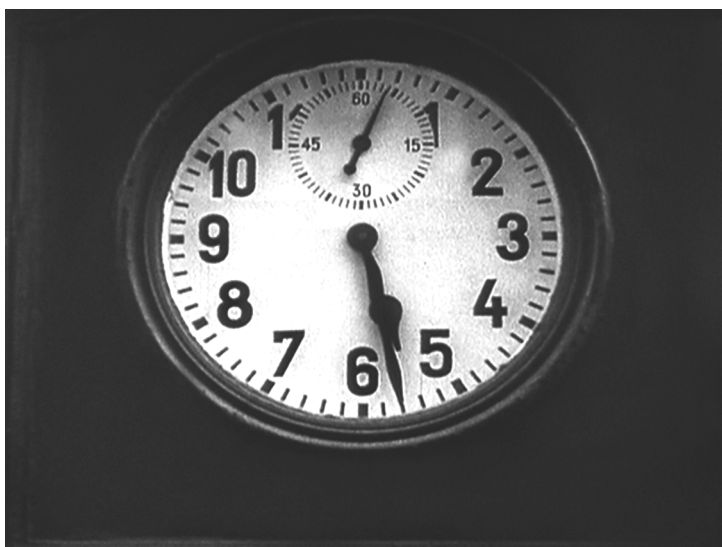
— Ну вот, значит, тебе только двадцать лет. И ты не понимаешь, что немецкий пролетарий, который ест русский хлеб, никогда на Россию руку не поднимет, это и есть пролетарская солидарность. В таком случае не будет воевать немецкий рабочий против русского рабочего. Поэтому и идут эшелоны с хлебом и прочим в Германию. Ясно?

— Ясно, товарищ старший политрук, — пробормотал я».

В целом можно говорить, что перед войной в сознании основной массы мужского населения 1919—1922 гг. рождения (а именно они приняли первый удар немецких войск) не было сформировано четкого образа врага. В этом плане бойцы и командиры Красной Армии безоговорочно уступали солдатам вермахта, руководствовавшимся простыми и ясными формулировками, как, например, приказ генерала Гепнера: «...борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью... Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...» Здесь уместно привести слова Н.И. Обрыньбы: «Начало войны и подготовка людей к убийству, ожесточение — это перестройка всей психики человека, и происходит она мучительно и достаточно долго. Мы не были подготовлены к войне не столько техниче-

ки, сколько морально, и для перевоспитания людей требовалось время. Это один из факторов, давших возможность немцам в первые дни войны ошеломить нашу армию». Требовалось научить людей ненавидеть. Ведь ненавидеть — это не значит сердиться и ругать, ненависть — это решимость вступить в борьбу. Когда человек находит свое личное место в схватке с врагом не только личным, а врагом твоего народа, твоей родины. Нужно сделать врага «плохим», потому что иначе воевать невозможно, поскольку убийство человека табуируется общепринятыми нормами человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики. Однако врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые эти нормы распространяются. В общественном сознании (в том числе и в массовом бытовом) враг наделяется свойствами, «противными человеческой натуре». Действительно отрицательные его качества гипертрофируются, а качествам, по обычным «мирным» меркам оцениваемым положительно, придается негативный смысл. При этом механизм конструирования образа врага, как правило, универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т.п.), а также собственного превосходства, которое должно стать основанием для победы над неприятелем. И то и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности»

Отсутствие четко сформированного образа врага накладывалось в сознании людей на гипертрофированную уверенность в силе Красной Армии, которая врага разгромит: «малой кровью, могучим ударом». Основана такая уверенность была на грамотно построенной пропаганде успехов Красной Армии в локальных конфликтах и одновременном замалчивании неудач. Не говоря уже о том, что профессия военного к концу 30-х гг. была одной из самых престижных и высокооплачиваемых. Вспоминает М.Л. Сандлер: «Все солдаты были хорошо одеты, обуты в сапоги. Кормили в армии даже лучше, чем мы бы питались на «гражданке». Кашу с мясом ели каждый день, кроме так называемого «рыбного» дня. Солдатам выдавали махорку, платили жалованье, кажется — семь рублей в месяц. На эти деньги покупали зубной порошок, подворотнички, но папирос приобрести себе позволить не могли, поскольку пачка стоила 35 копеек. Я не помню, чтобы были разрешены денежные переводы из дома. Помкомвзвода получал 36 рублей в месяц, старшина-сверхсрочник имел зарплату чуть ли не 500 рублей + паек. Многие ребята стремились остаться в армии на сверхсрочную службу». А ведь в стране карточную систему распределения продовольствия отменили только в конце 30-х гг. Трудно было купить более или менее приличную одежду. Зимой люди носили «перелицованную», то есть переделанную из старой, еще дореволюционной, одежду, летом щеголяли в старой красноармейской форме или надевали полотняные брюки и парусиновые туфли. В городах жили

Берлин, 22 июня 1941 г. Через несколько минут немцы узнают о том, что началось вторжение в СССР.

скученно — по пятьдесят семей в бывших барских квартирах, а новое жилье почти не строилось. Вот что вспоминает ветеран ВОВ, житель города Тула Р.И. Жидков: «Я — обыкновенный, стандартный парень того времени. Любил технику и занимался в кружках: авиамodelьном, радио. Тогда было так: чтобы поступить в кружок, надо было показать дневник. Плохо учишься — тебя не возьмут, или если двойку получил, гуляй, пока не исправишь.

В футбол играли «улица на улицу». Камера была. Каждый по неделе отвечал за мяч: чинил его — это очень ответственное занятие. Кожу надо шить, а если стянешь, то мяч огурцом будет, и ребята тебе морду

набьют. Инвентаря не было. Продукты были — питались нормально.

Велосипед, карманные часы и сетевой приемник — вот предметы роскоши и зависти тех дней. В Туле на первом месте был велосипед.

Мужики ходили в цирк, на борьбу. Цирк в Туле еще Поддубный построил. На первые два отделения мастеровые, рабочие отдавали билеты нам, мальчишкам, и мы смотрели на выступления актеров и зверей, а перед третьим отделением, в котором должна была быть борьба, мы выходили на улицу и отдавали билеты.

Потом нас взяли в спортивное общество «Пищевик» в детскую футбольную команду. Одели — форма, гетры, бутсы. Играли уже на стадионе. Потом я попал в юношескую команду. У меня получалось по правому краю. Сдавали нормативы ГТО, БСО, ЮВСО (юный Ворошиловский стрелок) — это было развито».

В деревне жизнь была еще более тяжелой, хотя многие, в том числе и Д.Я. Булгаков, в то время жители Курской области, вспоминают, что перед войной стало немного полегче жить: «В 1937 г. был хороший урожай — на трудодень дали по 3 килограмма хлеба! Люди подкрепились. В 1938 г. урожай был послабее, но тоже ничего. В 1939 г. стали в магазины завозить побольше товаров. Что для меня тогда было лакомством? Белый хлеб! Булка, сахар, конфеты (леденцы-горошек)! Любая конфетка, булочка, пряник — это было для нас лакомство. Ждали, когда кто поедет в город, в райцентр, привезет гостинец. Были ли у меня часы, велосипед, патефон, радио-

приемник? В 1941 г. брат приехал в отпуск и привез патефон. Это было что-то такое необыкновенное! Полсела приходило слушать! В селе патефон был богатством. Велосипед был у учителей, начальника почты и у детей директора школы. Кататься нам они не давали. Кое у кого были настенные ходики. Наручные часы только у интеллигенции: фельдшера, директора школы. У учителя были часы на цепочке».

Армия не только могла одеть, обусть и накормить еще не окрепших от голода начала 30-х мальчишек, но и дать новую специальность. Вспоминает ветеран войны А. С. Бурцев: «Каждый из нас мечтал служить в армии. Я помню, после трех лет службы из армии возвращались другими людьми. Уходил деревенский лопух, а возвращался грамотный, культурный человек, отлично одетый, в гимнастерке, в брюках, сапогах, физически окрепший. Он мог работать с техникой, руководить. Когда из армии приходил служивый, так их называли, вся деревня собиралась. Семья гордилась тем, что он служил в армии, что стал таким человеком. Вот что давала армия».

На фоне других военных особенно выделялись летчики и танкисты. Летчики носили униформу синего цвета, а танкисты серо-стального, так что их появление на улицах городов и поселков не оставалось незамеченным. Они выделялись не только красивой униформой, но и обилием орденов, в то время бывших огромной редкостью, потому что были активными участниками многих «малых войн», к которым СССР имел тайное или явное отношение.

Их прославляли в фильмах — таких, как «Горячие денечки», «Если завтра война», «Истребители», «Эскадрилья номер пять» и других. Романтичные образы танкистов и летчиков создавали такие суперзвезды советского кино, как Николай Крючков, Николай Симонов. Крючков в «Трактористах» играет демобилизовавшегося танкиста, для которого «на гражданке» открыты любые дороги. Ключевой момент фильма — рассказ его героя, Клима Ярко, колхозникам о скорости и мощи танков. Картина завершается сценой свадьбы танкиста и лучшей девушки колхоза. В финале вся свадьба поет популярнейшую песню тех времен: «Броня крепка, и танки наши быстры». «Горячие денечки» рассказывает о танковом экипаже, остановившемся для ремонта

Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс зачитывает обращение Гитлера к народу.

в деревне. Главный герой — командир экипажа. Он — бывший пастух. Только служба в армии открыла перед ним широкие перспективы. Теперь его любят самые красивые девушки, на нем роскошная кожаная куртка (до середины 30-х гг. советские танковые экипажи носили черные кожаные куртки из «царских» запасов). Разумеется, в случае войны герой будет громить любого врага с той же легкостью, с какой покорял женские сердца или достигал успехов в боевой и политической подготовке.

В то время искусство вообще, а кино в особенности имело огромное влияние. Тот факт, что основную массу рядового состава армии составляла малограмотная молодежь, которую отличала слепая вера в установленный общественный строй и его руководителей (ведь даже среди офицерского состава лишь 7% командиров имели высшее военное образование, а более трети не получили даже законченного среднего специального), позволял легко манипулировать сознанием. Патриотические песни из таких кинофильмов, как «Если завтра война», да и сами ленты, воспевающие непобедимость Красной Армии, вызывали самоуспокоение и восприятие грядущей войны как парадного шествия. «Когда объявили о начале войны, я посчитал, что завтра-послезавтра будем в Берлине. Еще подумал: «Надо почистить сапоги, чтобы офицер был в блеске», — вспоминал лейтенант-артиллерист А.С. Хоняк.

Психологический климат в армии также сильно отличался от привычного нам, во многом наследо-

вав черты революционного равноправия между командующим и рядовым составом. Вспоминает В.М. Синайский: «...помогало то, что не было градации между офицерами и солдатами. Все мы были — красноармейцы. Были только командиры и рядовые. Когда однажды на улице к нам обратилась какая-то женщина с просьбой что-то ей показать и назвала нас солдатами, один из наших товарищей сказал: «Мамаша, мы не солдаты, мы — красноармейцы. Солдат и офицеров наши отцы и деды били в Гражданскую войну». Взаимоотношения между командирами и рядовыми, я бы сказал, были почти дружеские. В гарнизоне был Дом Красной Армии, переступив порог которого, ты становился равноправным членом коллектива. Там были спортивные залы, кинотеатр, ресторан, танцевальные залы. И, придя в Дом Красной Армии, мы, рядовые, могли танцевать с женами командиров, вместе закусывать в буфете. Такой же порядок был и в санчасти. Если кто-то заболел и попал туда, врач прежде всего говорил: «Забудьте, что вы командиры или рядовые, здесь вы все — больные военнослужащие. Для меня вы все равны».

Учеба в школе проходила напряженно, но нам очень активно помогали «старики», которые заботились о нас, называли нас желторотиками и всячески обучали военной премудрости. Например, когда мы приехали в гарнизон и попали впервые в наряд, надо было мыть пол в казарме. В спальне было 120 коек. Это была не комната, а громадный зал. Мы, естественно, взяли ведра, тряпки — нас было 12 человек — разлили по полу воду и стали

тряпками что-то там делать. Пришли «старики», засмеялись: «Эх, вы, желторотики, так вы будете до вечера мыть». Позвали несколько человек — пришло четверо или пятеро. Взяли швабры, встали в ряд и погнали воду. И треть зала вымыли за 10—15 минут. «Вот, как надо!» — сказали «старики».

Помогали они нам и при обучении стрельбе. Стреляли мы кое-как. Вначале было очень сложно, потому что пулемет при стрельбе вело. И устранять задержки было трудно. Пулемет ШКАС был скорострельный, но у него было 48 типов задержек. Часть из них устранимых, часть неустранимых. И вот однажды, когда мы в оружейной палате разбирали и собирали пулеметы и учились устранять задержки, пришел старшина, отвоевавший в Финляндии и списанный по ранению. Зашел посмотреть, как мы учимся. С усмешкой посмотрел, как мы возимся с пулеметами, и сказал: «Ну, куда вам. Так, как вы работаете, с одного захода вас собьет истребитель. Почему? Вы же с задержкой возитесь сколько!» — «Как надо?» — «Надо мгновенно задержку устранить. Иначе вы безоружны». — «Ну покажи нам, как надо». — «Делайте задержку, дайте пулемет и завяжите глаза». Раз-два — и задержка была устранена. Вот так нас учили «старики».

Однако многое изменилось, когда в конце тридцатых годов СССР начал увеличивать армию, готовясь к грядущей «большой войне». Армии приграничных округов пополнились за счет молодежи призывного возраста только что присоединенных республик. Естественно, что их лояльность по отношению к новой власти была более чем сомнительна.

По воспоминаниям М.Л. Сандлера: «В сороковом году в армию пришло много «западников» и был поток новобранцев из Средней Азии (до этого среднеазиаты, как правило, служили только в национальных территориальных дивизиях). Многим тяжело давался русский язык или азы овладения техникой. Никаких насмешек над ними не строили, терпеливо все разъясняли».

Кроме того, волна репрессий, хоть и не была столь масштабна количественно, как это принято изображать, привела к значительным изменениям в командном составе, причем, наиболее пострадавшее среднее и старшее командное звено пополнилось в основном из среды младших командных кадров, не успевших приобрести ни достаточного опыта, ни соответствующих навыков. Младший комсо-

Весть о войне с СССР не вызвала у простых берлинцев энтузиазма.